

RU

Конструирование советского прошлого: к проблеме интерпретации литературных нарративов

Коршунова О. Н., Салимгареев М. В.

Аннотация. Цель исследования – выявить и обосновать актуальность и формат конструирования образа прошлого методами апелляции к источниковому ресурсу литературных нарративов 20-30-годов прошлого века, отмеченных переходом к стратегии богоборчества. Выбор периода обусловлен не только переломностью момента, метаморфозами социополитической стратегии, включая богоборчество, и соответствующих политических технологий, но и радикальностью установок на «перековку» массовой психологии в русле «культурной революции» в СССР. Научная новизна статьи заключается в новом методологическом прочтении советских литературных текстов в дискурсе конструирования образа советского прошлого. Авторы акцентируются на выявлении многоуровневых механизмов взаимодействия партийно-государственных идеологов и индивидуального сознания, прослеживая скрытые траектории адаптации, сопротивления и трансформации на уровне обыденного сознания, традиционных ментальных и ценностных ориентиров на материале литературных нарративов. Результаты исследования демонстрируют продуктивность применения междисциплинарного подхода к анализу литературных нарративов как источников по истории и специфике механизмов формирования советской идентичности. Выявленные в ходе исследования нарративные стратегии позволяют говорить о сложном и многогранном характере процессов конструирования советского прошлого.

EN

Constructing the Soviet past: on the problem of interpreting literary narratives

O. N. Korshunova, M. V. Salimgareev

Abstract. The aim of this study is to identify and justify the relevance and format of constructing the image of the past using methods of appeal to the source resource of literary narratives of the 1920-1930s marked by a transition to a strategy of fighting against God. The choice of the period is determined not only by the turning point, the metamorphoses of sociopolitical strategy, including the fight against God, and the corresponding political technologies, but also by the radical nature of the intentions to “reforge” mass psychology in line with the “cultural revolution” in the USSR. The scientific novelty of the article lies in a new methodological reading of Soviet literary texts in the discourse of constructing the image of the Soviet past. The authors focus on identifying multi-level mechanisms of interaction between Party-state ideologemes and individual consciousness, tracing hidden trajectories of adaptation, resistance, and transformation at the level of everyday consciousness, and traditional mental and value orientations as revealed through literary narratives. The research results demonstrate the productivity of applying an interdisciplinary approach to analyzing literary narratives as sources for understanding the history and specific mechanisms of Soviet identity formation. The narrative strategies identified in the course of the study reveal the complex and multifaceted nature of the processes involved in constructing the Soviet past.

Введение

С наступлением XXI века набирали обороты этнократические тенденции, интеграционные процессы самосознания уступили место фобиям, вплоть до языковых. Адекватность восприятия истории подверглась неизбежным рискам деформации ввиду системного кризиса современной цивилизации, тенденций превалирования рациональных начал в ущерб духовно-нравственной и эмоционально-поведенческой сфере. В постиндустриальном глобализирующемся мире происходило расщепление идентичности с вытекающими из этого коллизиями самоопределения личности и общества (коллективное сознание). Литературоцентризм

культуры, этические традиции патриотизма и государственных устремлений отечественной литературы (Современный справочник по литературе, 1999, с. 317-318) определяют актуальность обращения к текстам, в том числе далеким от социологии и политики, как к маркерам общественного сознания. Нарративы художественной литературы позволяют в концентрированно-специфическом ракурсе сфокусироваться на уникальности советской цивилизации.

Понятие нарратива, длительное время находившееся преимущественно в компетенции литературоведения, стало широко использоваться в научном обороте во второй половине XX века. Это привело к становлению нового научного направления, вошедшего в обществоведческий дискурс как нарратология, междисциплинарная область знания, где нашли свое пересечение литература, история, философия и другие гуманитарные науки. В современном дискурсе сложилось несколько уровней понимания текстуальности. Основатель данного направления сводит ее к «нарративным предложениям» прошедшего времени, проявленным в изъяснительном наклонении (Данто, 2002). Есть адепты версии Х. Уайта (2002), расширяющего понятие «нарративной структуры» через вовлечение, включение в познавательное поле ключевого компонента – интриги. По мнению В. Шмида (2003), фундаментом нарратологического видения становятся любые тексты, ориентирующие на познание истории, предполагая рассказчика как опосредующую инстанцию.

В отношении проблемы формирования советской идентичности были предприняты исследования (Тихонов, 2022; Бранденбергер, Тихонов, Фокин и др., 2022; Бранденбергер, 2017; Аманжолова, 2014; Виноградов, 1995; Суни, 2013; Фокин, 2021). В дискурс, посвященный анализу взаимодействия литературы и общественного сознания, вовлечен ряд исследований, сосредоточенных на различных аспектах репрезентации процессов конструирования советской идентичности (Макаревич, 2023; Посухова, Фролова, 2016; Кирчанов, 2013).

Качественно новые параметры национальной/этнической идентичности после крушения СССР в значительной степени детерминировались ренессансом сознания причастности к истории определенной, комплиментарной по само-проецированию социальной общности. Сопричастность истории Отечества сопоставима по значимости с установкой на сохранение фонда культурного наследия. В турбулентной ситуации, характерной не только для России, едва ли не «демиургическим» фактором самосознания становится историческая память, которая, наряду с традициями и ментальной спецификой, концентрирует национальное сознание вовнутрь. Но есть и внешний контур: направленность на межэтнические контакты проявляется в этнических симпатиях и антипатиях.

Гипотеза исследования заключается в том, что литературные нарративы советской эпохи, включая как официально признанные, так и маргинальные тексты, содержат в себе многослойные репрезентации процессов конструирования советской идентичности, анализ которых позволяет реконструировать сложный и противоречивый характер социокультурной трансформации 1920-1930-х годов.

Задачи исследования:

- концептуально обосновать методологический аппарат исследования литературных нарративов как источников по истории советской идентичности;
- выявить корпус литературных текстов, репрезентирующих процессы социокультурной трансформации 1920-1930-х годов;
- проанализировать репрезентации концепта «нового человека» в советских литературных нарративах в разножанровых произведениях и очерках М. Булгакова, А. Платонова, И. Ильфа и Е. Петрова, М. Горького;
- определить особенности конструирования новой идентичности в условиях советской модернизации.

Решение поставленных задач потребовало прибегнуть к методам теоретического анализа научной литературы для выявления существующих подходов к изучению советской идентичности и исторической памяти; изучения концепций нарративного анализа и их применения в исторических исследованиях; применялся сравнительно-сопоставительный анализ различных методологических подходов к интерпретации литературных текстов как исторических источников. Методы анализа включают дискурс-анализ репрезентаций концепта «нового человека»; историко-антропологический анализ повседневных практик, отраженных в литературных текстах; герменевтический анализ художественных текстов как форм исторической рефлексии.

Материал нашего исследования составили литературные произведения 1920-1930-х годов, авторы которых не были типичными жертвами гонений и репрессий. Это романы М. Булгакова «Собачье сердце» (1925), А. Платонова «Чевенгур» (1929), И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931), литературный очерк М. Горького (1927).

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что разработка и апробация предложенной модели анализа литературных нарративов, наблюдения и выводы статьи могут послужить углублению концептуального контента дальнейших научных разработок и найти применение в учебных курсах по отечественной истории XX века.

Обсуждение и результаты

Ключевая проблема конструирования советского прошлого высвечивается в вопросе коллективной идентичности в условиях реализации проекта создания социалистического общества. Изначальный, ленинский подход с акцентом на классовом сознании и пролетарском интернационализме представлял собой попытку осуществить радикальный разрыв с дореволюционной идентичностью жителей бывшей российской империи.

Это была утопическая, но довольно последовательная попытка опереться на запланированное создание иной социально-экономической основы идентичности при отвержении ее национальной (этнической) ипостаси. Вспомним ленинский тезис о национальном вопросе, который при коммунизме решался в сторону тотальной нивелировки этничности. Это приводило к отсутствию серьезного интереса к масштабному и целенаправленному воздействию на идентичность граждан СССР (Martin, 2001). Действуя из оперативного пространства социальной действительности, принцип «национальная по форме, социалистическая по содержанию» являлся диалектической уловкой, тактическим признанием культурного многообразия со стратегической целью его последующего тотального снятия в универсальной социалистической культуре. Нация рассматривалась как рудимент сгинувшей в пучине Великой русской революции буржуазной эпохи, которому, в то же время, позволено временно существовать в качестве декоративной оболочки для ускоренного внедрения нового, вненационального содержания (Биллиг, 2007).

К середине 1930-х эта стратегическая цель столкнулась с двойным кризисом: внутренним – когда стало ясно, что «новый советский человек» не возникает спонтанно, как продукт новых социалистических отношений, и внешним – когда окончательно рухнула надежда на победу мировой революции, и СССР оказался в окружении враждебных и могущественных националистических государств. Чутье советских идеологов привело к формированию обновленной стратегии формирования идентичности, в которой мы фиксируем фундаментальный сдвиг от интернационалистской утопии к этатистской необходимости. Руководство ВКП (б) (Всесоюзной коммунистической партии большевиков) взяло курс на отказ от классового универсализма в пользу новой формы партикулярной солидарности, которая, однако, должна была быть не этнической, а политико-гражданской. «Советский народ» и «Дружба народов» – это не органические, а сугубо проектные идентичности, сконструированные сверху для решения конкретных историко-политических задач: консолидации общества перед лицом внешней угрозы и легитимации сложившейся иерархической власти.

Для преодоления партикуляризма многонационального советского общества был создан новый, более высокий партикуляризм – партикуляризм советской цивилизации, противостоящей капиталистическому миру. Интернационализм, бывший целью, превратился в инструментальную «дружбу» внутри укрепляющегося государства-крепости. Экономический базис, который, по марксистской теории, должен был определить надстройку, был сам скорректирован политической надстройкой в лице партийного руководства, которое все более отчетливо осознавало утопичность немедленного перехода к бесклассовому и безнациональному обществу. В этом смысле, рождение «советского народа» можно интерпретировать как момент, когда революционный импульс уступил место имперскому – не в смысле восстановления старой империи, а в смысле создания новой, идеократической имперской общности, где лояльность определялась не происхождением, а приверженностью государству, его целям и его партийным вождям. Это была идентичность, основанная не на прошлом, как у традиционных наций, а на коллективно проектируемом будущем, однако это проектирование стало исключительной прерогативой государства, завершив тем самым диалектику революционного освобождения и этатистской мобилизации.

Идеологически манифестируемая советская идентичность нуждалась в инкорпорировании ее не только за счет социальных действий в процессе достаточно масштабных новационных преобразований эпохи ГОЭЛРО (Государственный план электрификации России), а затем эпопеи индустриализации и коллективизации. Они сопряжены в том числе с жертвами по причине зарождения массовой культуры, праздничной культуры демонстраций и т. д. Не последнюю роль здесь сыграла литература. Анализ возникающих нарративов выявил сложный и противоречивый характер репрезентации концепта «нового человека». В произведении М. Булгакова «Собачье сердце» проблема экспериментов над человеком дана через призму сатирического осмысления. Имплантированный в художественный текст протест против плакатности, проникавшей даже в быт и простонародный язык, в устах профессора Преображенского сформулирован так: «Разве Карл Маркс запрещает держать на лестнице ковры...?» (Булгаков, 1988, с. 128). Пафос романа заключен в приговоре: попытки любой ценой добиться грандиозного эффекта, в том числе путем производства на свет «нового человека», обречены на провал (Умеров, 1988).

Контрастность оптики восприятия и оценки реалий конца 1920-х видна в сравнении позиций М. Горького и А. Платонова.

Горький изучал процессы, происходившие на родине, из-за рубежа, отслеживая материалы прессы. Горький фиксирует рождение «нового русского человека», конкретизируя обобщающую гипотезу о нарождающейся цивилизации обращением с приветом «к этому маленькому, но великому человеку, рассеянному по всем медвежьим углам страны, по фабрикам и деревням, затерянным в степях и в сибирской тайге, в горах Кавказа и в тундрах Севера, – к человеку, иногда очень одинокому, работающему среди людей, которые еще с трудом понимают его...» (1984, с. 19-20).

Написанный практически одновременно с очерками Горького роман А. Платонова «Чевенгур» принципиально отличается от позиции ведущего руководителя Союза писателей СССР не только по жанру и форме осмысления своего времени. В русле вызова, брошенного Ф. Достоевским в романе «Преступление и наказание» самому принципу «цель оправдывает средства», А. Платонов развивает идею «Чевенгура» как утопии или антиутопии. Он исходил из убеждения, что революция явилась попыткой немедленного осуществления мечты о преодолении смерти и отражала «жажду всеобщего равенства» (Семенова, 1991). Рассматривая всякую социальную коллизию как производное коллизии космической, А. Платонов в романе «Чевенгур» представил не только картину реалий конкретного исторического времени или мифологему. Сквозь конкретику «просвечивает хаос». Истина в интерпретации автора романа «не есть данность – она есть процесс» (Яблоков, 1991, с. 11). Фиксация хаотичности

выражена у Платонова в самой стилистике и оборотах речи: «Через четыре года в пятый село наполовину ушло в шахты и города, а наполовину в леса – бывал неурожай» (1991, с. 25).

В сатирическом романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» отражены не только пропагандистские штампы типа «Привет 5-й окружной конференции женщин и девушек» (1984, с. 9, 12), но и пафос великих строек. Задорный энтузиазм сквозит в диалогах студентов политехникума: «Миллион тонн чугуна. К концу года комиссия нашла, что объединение может это дать!» (Ильф, Петров, 1984, с. 387). Примечательны штрихи и нюансы тяги к справедливости, прочитываемые в общении и диалогах студентов политехникума – подвижников великих строек, попутчиков главного героя. Понимание скрытых нюансов тяги к справедливости сквозит в бытовой, казалось бы, сцене пассажиров международного и жесткого вагонов: «Товарищи, едете в международном вагоне, мы тоже хотим ехать в роскоши. На первой же станции нам надо обменяться» (Ильф, Петров, 1984, с. 388).

Свидетельства эпохи, запечатленные в литературных текстах, что были на периферии официального дискурса, имеют особый эпистемологический статус. Запретные тексты и полузапретные произведения образуют своего рода «контр-нарратив», бросающий вызов монолитной версии истории. Их существование не просто дополняет, но, при всей многослойности, существенно обогащает понимание советской модернизации, вскрывая внутренние противоречия и оборотно-драматичную «оборотную сторону» индустриального рывка.

Результаты исследования демонстрируют продуктивность применения междисциплинарного подхода к анализу литературных нарративов как источников по истории и специфике механизмов формирования советской идентичности. Выявленные в ходе исследования нарративные стратегии позволяют говорить о сложном и многогранном характере процессов конструирования советского прошлого.

Мифологизированная монументальная история советского общества, отстаивавшая тезис о правильности единственно верного учения, в наибольшей мере отразилась в канонически заданных предписаниях изображения эпохи социалистического строительства (Холмс, 1993). Генеральные предписания изображения эпохи социалистического строительства формировали жесткие рамки исторической репрезентации. Исторический процесс сводился к линейному движению навстречу заданной цели, любые отклонения воспринимались как элитами, так и народными массами как «пережитки прошлого» или «враждебные происки».

Вместе с тем, как показал анализ, литературные нарративы содержат альтернативные версии исторического процесса, отражающие сложность и противоречивость социокультурной трансформации 1920-1930-х годов. Эти тексты функционируют как философские документы эпохи, фиксирующие не только внешние события, пропагандистские кличи, но и экзистенциальный опыт столкновения человека с тотально-кардинальным социальным проектом.

Предложенный междисциплинарный подход, интегрирующий методы исторической антропологии, дискурс-анализа и литературоведения, предоставляет широкий инструментарий для деконструкции официальных исторических нарративов и выявления альтернативных версий исторического процесса, зафиксированных в маргинальных и полузапретных текстах. Это имеет непосредственное приложение в современных исследованиях исторической памяти и кризисов идентичности, возникающих в современных условиях неопределенности и постиндустриальных трансформаций.

Методология анализа советского опыта конструирования «нового человека» требует комплексного подхода. Наиболее приемлема исследовательская парадигма, предполагающая критический анализ идеологии и стратегии формирования личности и ее реального культурно-исторического воплощения. Условиями адекватности анализа служат параметры таланта, социально-профессиональные характеристики автора литературного текста. Значимость литературного нарратива корректируется также жанром повествования (сатирический роман, очерк, утопический роман), характером переживаемого исторического времени, наличием или отсутствием государственного контроля над литературным творчеством, состоянием и тенденциями эволюции массовой психологии.

В данной статье анализ базируется на конструктивистской парадигме, рассматривающей «нового человека» как целенаправленного идеологический конструкт, а не как органичное явление. Интерпретация идентичности в ипостаси национальной идентичности рассматривает ее как условное обозначение привычных представлений о нации, мире и «нашем» месте в нем (Биллинг, 2007). Актуальность такого взгляда проистекает помимо прочего из максимы, что политическая солидарность современного государства не только предполагает формальные права, но и требует эмоциональной и символической интеграции, соответствующей современным способам конструирования «воображаемых сообществ» (Куренной, 2007).

В тематической плоскости методологии изучения «воображаемого сообщества» находится дискурс механизмов социальной инженерии и идеологического воздействия. В фокусе данного исследования оказывается радикальность установок на «перековку» массовой психологии в русле «культурной революции» 1920-1930-х годов. Этап «перековки» становится предметом историко-концептуального изучения, без которого не проследить трансформацию идеи «нового человека» в идеологический конструкт «советского человека» и новой исторической общности «советский народ».

Востребованный ныне формат историософского осмысления радикальных социокультурных перемен в коллективном и индивидуальном сознании через оптику литературных нарративов не только вписан в контекст исторической памяти: он способен придать импульс углублению современных медиадискурсов, прежде всего в контексте формирования критического восприятия социокультурных процессов современности. Отметим, что результаты нашего исследования имеют прикладное значение для образовательных программ в области гуманитарных наук, поскольку демонстрируют продуктивность обращения к художественной литературе

как источнику по истории ментальностей, а предложенные перспективы применения цифровых методов анализа текстов открывают новые возможности для выявления скрытых нарративных паттернов в больших массивах данных, что особенно актуально в современную эпоху цифровизации гуманитарного знания.

Заключение

Проведенное исследование достигло своей цели – выявило и обосновало актуальность, а также специфический формат конструирования образа прошлого через апелляцию к источниковому потенциалу литературных нарративов 1920-1930-х годов. Эта цель была реализована путем последовательного решения поставленных во введении задач. Литературные произведения подтвердили свой статус специфических маркеров общественного сознания советской эпохи, позволив реконструировать сложные и противоречивые процессы социокультурной трансформации в условиях радикальных исторических сдвигов.

Был концептуально обоснован и применен междисциплинарный методологический аппарат исследования. Синтез историко-антропологического подхода, дискурс-анализа и литературоведческой герменевтики, необходимый для анализа «воображаемых сообществ», доказал свою продуктивность для интерпретации художественных текстов как полноценных исторических источников. Этот аппарат позволил перейти от поверхностного сюжетного анализа к реконструкции многоуровневых механизмов взаимодействия государственной идеологии и индивидуального/коллективного сознания.

Выявлен и сформирован репрезентативный корпус литературных текстов, запечатлевших процессы социокультурной трансформации эпохи. В него вошли как произведения, в разной степени соответствующие официальному курсу (очерк М. Горького, роман И. Ильфа и Е. Петрова), так и тексты, находившиеся на периферии или вне рамок разрешенного дискурса (романы М. Булгакова и А. Платонова). Такой отбор обеспечил возможность анализа не только доминирующих, но и альтернативных, «контр-нарративных» версий конструируемого прошлого, демонстрирующих напряжение между официальными дискурсами и иными версиями исторического процесса.

Произведен анализ репрезентаций концепта «нового человека». Исследование выявило глубокую амбивалентность и противоречивость этого концепта в литературных нарративах. Утопически-восторженная проекция у Горького противостоит сатирическому развенчанию социального экспериментаторства у Булгакова, экзистенциально-философской рефлексии у Платонова и иронично-бытовому изображению «подвижников строек» у Ильфа и Петрова. Это свидетельствует об отсутствии монолитного образа и подтверждает сложность адаптации, сопротивления и трансформации традиционных ценностных ориентиров в контексте нигилистически-созидательного пафоса строительства нового общества.

Было дано определение особенностей конструирования идентичности в условиях советской модернизации – задача решена через анализ выявленных нарративных стратегий. Исследование показало, что литературные тексты фиксируют ключевой сдвиг середины 1930-х годов: от интернационалистско-классового проекта к этатистской консолидации вокруг идеи «советского народа». Литературные нарративы демонстрируют, как это конструирование происходило не только через прямое идеологическое внушение, но и через отражение повседневных практик, языковых клише и экзистенциальных коллизий «перековки».

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась в полной мере. Литературные нарративы действительно содержат многослойные репрезентации процессов конструирования советской идентичности, а их анализ позволяет реконструировать сложный и внутренне противоречивый характер социокультурной трансформации 1920-1930-х годов. Результаты свидетельствуют, что образ советского прошлого в литературе не был единым; он формировался в напряженном поле между официальным дискурсом государственного проекта и альтернативными траекториями индивидуального и коллективного опыта. Междисциплинарный подход позволил зримо-стереоскопично воспроизвести этот образ, аргументируя тезис о советской составляющей как неотъемлемой части российской цивилизационной истории.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в расширении спектра и корпуса анализируемых текстов, включении материалов периодической печати и документальных источников, а также в применении цифровых методов анализа для выявления скрытых нарративных паттернов, что особенно актуально в эпоху цифровизации гуманитарного знания.

Материалы исследования | Research materials

1. Булгаков М. Собачье сердце. Повести, рассказы. Казань: Татарское кн. изд-во, 1988.
2. Горький М. Десять лет // Горький М. Идущим в гору. М.: Молодая гвардия, 1984.
3. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М.: Правда, 1984.
4. Платонов А. Чевенгур. М.: Высш. шк., 1991.
5. Современный справочник по литературе / сост. и науч. ред. С. И. Кормилов. М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 1999.

Источники | References

1. Аманжолова Д. А. Советский народ – историческая реальность или фантом? // Вестник Российской нации. 2014. № 4.
2. Биллиг М. Повседневное напоминание о родине // Логос. 2007. № 1 (58).

3. Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956 гг.). М.: РОССПЭН, 2017.
4. Бранденбергер Д., Тихонов В. В., Фокин А. А., Баранов А. В. «Советская нация» vs «Советский народ»: к вопросу о проблематизации наднациональной идентичности // Новое прошлое. 2022. № 4. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-4-176-220>
5. Виноградов И. Жизнь и смерть советского понятия «дружба народов» // Cahiers du Monde russe. 1995. № 4 (36).
6. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002.
7. Кирчанов М. В. Национальное и советское в русской литературе РСФСР // Филология и литературоведение. 2013. № 1.
8. Куренной В. Политический и аполитический национализм // Логос. 2007. № 1.
9. Макаревич Э. Ф. Вдохновляющий яд литературы: как художественные произведения влияли на судьбу России и СССР: Пушкин, Достоевский, Толстой, Шолохов, Чехов, Булгаков, Солженицын, Евтушенко, Хемингуэй и другие. М.: Ленанд, 2023.
10. Посухова О. Ю., Фролова А. С. Производственный роман как средство формирования профессиональной идентичности в советском обществе // Гуманитарий юга России. 2016. Т. 22. № 6.
11. Семенова С. Г. Мытарства идеала // Платонов А. П. Чевенгур. М.: Высш. шк., 1991.
12. Суни Р. Г. Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы: материалы VI международной научной конференции, Киев, 10-12 октября 2013 г. М.: РОССПЭН, 2014.
13. Тихонов В. В. От «СССР-цев» до «советского народа»: в поисках единства на 1/6 суши планеты Земля // Новое прошлое. 2022. № 4.
14. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.
15. Умеров Ш. «Все человеческие движения...» // Булгаков М. Собачье сердце. Повести, рассказы. Казань: Татарское кн. изд-во, 1988.
16. Фокин А. А. «Советский человек» одновременно существует и не существует // Новое прошлое. 2021. № 4. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2021-4-238-247>
17. Холмс Л. Социальная история России: 1917-1941 / пер. с англ. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1993.
18. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
19. Яблоков Е. А. Безвыходное небо // Платонов А. Чевенгур. М., 1991.
20. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001.

Информация об авторах | Author information

Коршунова Ольга Николаевна¹, д. ист. н.

Салимгареев Максим Владимирович², к. ист. н.

^{1,2} Казанский национальный исследовательский технологический университет

Olga Nikolaevna Korshunova¹, Dr

Maksim Vladimirovich Salimgareev², PhD

^{1,2} Kazan National Research Technological University

¹ felix_kor@mail.ru, ² msalimga.dis@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.11.2025; опубликовано online (published online): 19.12.2025.

Ключевые слова (keywords): литературный нарратив; образ прошлого; конструирование прошлого; формирования советской идентичности; literary narrative; image of the past; construction of the past; formation of Soviet identity.